

Т. Ф. Литвинова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ ДВОРЯНСТВА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ СЕРЕДИНЫ XIX в.

В статье поставлена проблема роли исторических представлений элиты Левобережной Украины в легитимации её социальных устремлений. Показаны механизмы взаимодействия исторической памяти малороссийского дворянства и его социальных идентичностей. Представлены дискуссии образованного общества середины XIX в. вокруг проблемы оценки и интерпретации указа Екатерины II о закрепощении крестьян 1783 г.

Ключевые слова: социальные идентичности, исторические представления, украинская историография, малороссийская элита, закрепощение крестьян Украины.

В украинской историографии уже общим местом стало представление о значительной роли элиты Левобережной Украины (Гетманщины, Малороссии) в формировании современной национальной идентичности и, соответственно, в сохранении исторической памяти, поскольку исторический компонент занимал одно из центральных мест в обосновании не только легитимации самой новой элиты, но и прав своей родины. В то же время, проблемы исторического сознания, памяти, знания, развития исторической науки на просторах Левобережной Малороссии XVIII – первой половины XIX в. и изучение социальных аспектов функционирования элитных групп (казацкой старшины, шляхты, дворянства) в украинской историографии почти никогда не пересекались. Они существовали как бы параллельно. Но, стоит напомнить, что и в первом, и во втором случае речь фактически шла об одних и тех же людях. Поэтому в стратегиях презентации, например, такие освоенные украинской историографией персонажи, как Г. А. и В. Г. Полетики, Марковичи-Маркевичи, В. Я. Ломиковский, А. И. Чепа и другие на страницах текстов исследователей появляются как минимум в двух ипостасях: историк или казацкий старшина/шляхтич/дворянин. Однако историографически назревшие проблемы взаимовлияния социальных идентичностей и исторических представлений, стыков «исторического» с дру-

© Литвинова Т. Ф., 2016

гими составляющими общественного сознания, общественной мысли в формировании социальных стратегий, социального взаимодействия, то есть с теми сферами жизни общества, которые напрямую не связаны с усвоением и трансляцией «исторического», пока не нашли должного осмысления.

Необходимость преодоления такого «герметичного» подхода несомненна. Особенно, когда речь идет о социальных идентичностях тех, кто воспринимается одновременно не только как фиксатор, но и как ретранслятор исторической памяти. Важно подчеркнуть, что глубоко историзированное сознание малороссийской элиты, выдвинувшей из своих рядов первоклассных для своего времени историков, было во многом определено теми серьезными потрясениями, которые переживало общество на рубеже XVIII–XIX вв. (речь идет не только о политико-правовой инкорпорации Гетманщины в систему Российской империи). Именно поэтому изучение взаимодействия «социального» и «исторического» позволит существенно расширить, а, может быть, и значительно изменить историографические представления о малороссийском обществе и его элите. Такой подход может оказаться результативной стратегией не только изучения ментальности элит, их исторических представлений, стереотипов, но и позволит существенно расширить границы задач историографических исследований.

Несмотря на существующие восприятие исторической памяти как продукта социализации и одновременно основы для идентификации, все же необходимо осознавать их непростую связь. Историческая память и социальные идентичности не могут и не должны рассматриваться в ракурсе жесткого взаимодействия. Разумеется, из толщи исторической памяти могут подниматься не только социально значимые пласты. По мере профессионализации исторического знания все более сложными и многообразными становятся индивидуальные формы инструментализации исторической памяти. Но в данном случае, поднимая проблему инструментализации (возможно, утилизации) исторической памяти в сфере формирования новых социальных идентичностей малороссийского общества середины XIX в., то есть, того времени, когда социальная элита снова вынуждена была стремительно меняться и усваивать новые социальные роли, внимание будет сосредоточено на проблеме использования «исторического» для решения социальных задач. На мой взгляд, изменения исторических доминант, приоритетов в структурах исторической памяти, исторических интересов могут быть

также индикатором социальных изменений. Причем важно, что именно извлекается из объема коллективной исторической памяти в моменты социальных переломов.

Как известно, в конце 1850-х гг. социальная элита Левобережной Украины снова оказалось перед проблемой «быть или не быть». Еще недавно освоив роль душевладельцев, дворянство было вынуждено приступить к гласному обсуждению крестьянского вопроса в губернских комитетах по обустройству быта крепостных крестьян, таким образом, решая и свою дальнейшую судьбу. Как и раньше в моменты коллективного волеизъявления дворянские депутаты довольно широко опирались на историю. Но если в публичных дискуссиях времен Уложенной Комиссии 1767 – 1774 гг. элита Гетманщины в поисках своих сословных корней и границ, по сути, создавала историю шляхты региона, а через несколько десятилетий уже утвердившиеся в своем статусе дворянские «патриоты», обосновывая права потомком сотенной старшины, фактически писали историю казачества [4], то в середине XIX в., поставленное перед необходимостью решать крестьянский вопрос, дворянство Левобережной Украины уже обращалось к истории крестьянства, о котором только вскользь вспоминали в 60-е гг. XVIII в. и которое вообще обходили вниманием борцы за нобилитацию В. Полетика. А. Чепя, Н. Стороженко и др.

Центральным историческим сюжетом в ходе обсуждения крестьянско-дворянской проблемы в конце 50-х гг. XIX в. стало закрепощение крестьян Гетманщины указом 3 мая 1783 г., который в деталях по-разному трактовался членами дворянских губернских комитетов по устройству быта крепостных крестьян, в том числе и такими известными в то время историками, как М. О. Судиненко и А. М. Маркович. Однако обращение к указу играло важную роль как в ориентации, самоидентификации и поведении отдельных персонажей, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности, а также в трансляции морально-этических ценностей.

Замечу, что большинство тех, кто принимал участие в обсуждении этой проблемы, стояли на позициях так называемой указной теории, связывая введение крепостного права с указом Екатерины II. Работая ради достижения «цели великой, святой – счастья отчизны» [5, с. 398], дискутируя по различным вопросам, обсуждая отдельные аспекты будущей реформы, дворянские депутаты неоднократно акцентировали внимание на том, что до 1783 г. крестьяне Малороссии были свободны

и активно пользовались правом перехода. Бродяжничество же, которым якобы и был вызван фискальный царский указ, было результатом не каких-либо злоупотреблений со стороны землевладельцев, а происходило, по мнению А. М. Марковича, «от беспорядочного своевольного управления краем, от насилия и притеснения властей» [5, с. 88].

Таким образом, дворянство Левобережья как бы подчеркивало свою непричастность к установлению крепостного права в крае, в котором, по мнению И. М. Миклашевского, «личная свобода наиболее уважалась». Больше того, этот деятель Крестьянской реформы был убежден, что «наша родина в историческом развитии своем шла всегда впереди России и порядок перехода посполитых от одного владельца к другому, совершался до 1782 года, без всякой неурядицы к чести края». Именно с этого времени «историческое развитие Малороссии остановилось; посполитые подчинились безусловно требованиям правительства; нравственное, хозяйственное и коммерческое начало заглохли». Итак, возлагая всю ответственность на «Самодержавную власть Императрицы», этот депутат дворянства Стародубского уезда, который более 30 лет сам занимался хозяйством, стремился доказать, что крепостное право «есть состояние чуждое духу народа, а потому не могло войти, так сказать, в его плоть и кровь» [6, л. 1 об., 2–2 об., 8].

О свободе малороссийского народа, его возможности пользоваться «в полном смысле владельческим правом над землями своими» [2, л. 1 об.] писали и говорили и другие дворяне-помещики. От екатерининского указа отталкивались в своих размышлениях и В. В. Тарновский, и Н. А. Ригельман, и Г. С. Кирьяков [10, с. 24; 11; 13], и целый ряд других авторов. В Черниговском комитете обсуждению проблемы 1783 г. было уделено специальное внимание на заседании 17 ноября 1858 г, когда значительная часть депутатов высказывала свое мнение относительно отказа «на вечные времена» от личного крепостного права, введенного екатерининским указом. При этом неоднократно подчеркивалось со ссылкой на «древние акты», что в Малороссии крепостного права не существовало, что особенно нужно подчеркнуть в итоговом Положении от Черниговского комитета [5, с. 69–73].

Очевидно, затрагивал эту тему и Полтавский комитет. Во всяком случае, переяславское дворянство на уездном собрании не просто пространно остановилось на доуказных взаимоотношениях земледельцев и землевладельцев, но и просило о «прекращении силы дальнейшего действия указа» и о восстановлении для помещичьих крестьян права

свободного перехода [7, с. 45–47]. Об этом же говорили и представители полтавской элиты А. В. Богданович и М. П. Позен в Редакционных комиссиях в Петербурге. Следовательно, обращение малороссийского дворянства к указу 1783 г., с одной стороны, было отправной точкой для обоснования социальной и хозяйственной специфики края, который противопоставлялся другим украинским регионам. С другой стороны, таким образом проявлялась не только консолидация малороссийской элиты, но и ее ответственность за интересы своего сословия, интересы крестьян, а также желание «сохранить лицо» перед современниками и потомками. Это чужое крепостное право, введенное законом, что подчеркивалось многими ораторами и писателями в ходе обсуждения эмансипационной проблемы, вело к упадку, ведь, как считал А. И. Покорский-Жоравко, «принудительные отношения помещиков и крестьян нравственно губили и тех, и других». Крепостное право «убивало наши нравственные силы, ...как червь губило наш хозяйственный быт, ...не давало наслаждаться нашими избытками», поскольку «примешивало к нашим удовольствиям каплю пота или слезу скорби нашего крестьянства». Он, так же, как и Г. П. Галаган, признавал: «мы виноваты!». Однако, энергично работая над разрешением дворянско-крестьянской проблемы, стремился отмежеваться от активно навязываемого дворянству публицистикой того времени «яркого колорита плантаторов южных штатов» [8, с. 200].

Наиболее ярко, на мой взгляд, по поводу ответственности дворянства высказался Валериан Подвысоцкий, настаивая на необходимости упомянуть указ 1783 г. в решениях Черниговского комитета, поскольку «таким образом, каждый дворянин как бы говорит: не отрекаюсь от неправого дела моих предков, но возвращаю, что мне не должно было бы принадлежать; не дарю того, что не было моим, но возвращаю и возвращаю теперь, ибо прежде не был вправе возвратить» [5, с. 71]. То есть, именно так выражалась готовность отказаться от навязанной в свое время центральным правительством роли дворян-душевноладельцев, которая не была присуща малороссийской элите до 1783 г.

Как уже отмечалось, участники обсуждения не были единодушны в оценках обстоятельств и сути указа 3 мая 1783 г. Их представления об этом в значительной степени держались на преданиях. Неслучайно разные авторы, кроме 1783 г., называли также то 1782-й, вероятно имея в виду ревизию населения, то 1784-й, то 1785-й годы. Поэтому, наверное, Г. П. Галагану для комитетских дел так не хватало

профессионально написанной истории. Не случайно в 1858 г. он обращался к М. А. Максимовичу с предложением обеспечить, так сказать, историческую основу для будущих реформаторских занятий и написать исследование об истории взаимоотношений крестьян и помещиков. И сам корреспондент, и его приятель В. В. Тарновский и другие дворянские писатели пытались это сделать [1; 3; 12]. Но, очевидно, с позиций Григория Павловича, лучше с такой задачей мог бы справиться только настоящий историк, которым и считался Михаил Александрович. Об этом и шла речь: «Как бы хорошо было если бы Вы подарили наши Малороссийские комитеты об устройстве крестьян историческим исследованием отношений крестьян к панам до укрепления. Для начала комитетских работ это было бы очень кстати».

Потребность опереться на историю ощущал и А. П. Бакуринский, который считал, что «гражданская жизнь», «юридический быт старинной Малороссии» совсем не описаны. Ему было грустно от того, что «литература русская обогащается с каждым днем замечательными произведениями по этой части, литература ...малорусская занимается только исследованием [...] ведьм, вовкулаков, нынешних простонародных пословиц и песен, литература не выходит из круга нынешней простонародной жизни». «Читая эти произведения, – писал далее автор, – можно подумать, что в далекой старине, Малороссия, кроме казацкой удалой схватки и казацкой песни ничего не сделала. Неужели история жизни целого народа заключается в нынешних простонародных песнях и сказках и неужели вся Малороссия состоит из нынешних крестьян, и потому для изучения ее быта надо непременно, надев простонародный костюм, изучить крестьянские песни и сказки» [1, л. 1]. Патриот края, очевидно, уже затронутый модернизацией, А. П. Бакуринский был убежден в необходимости изучения собственной истории в первую очередь на основе юридических актов. Именно это дало бы возможность получить «полную картину внутренней самодеятельной жизни народа». Ведь даже при беглом их исследовании становится очевидным, что, «несмотря на беспрестанные войны с соседними народами и внутренние неурядицы, мы выработали гражданские законы и гражданское устройство, которые стоят если не выше, то никак не ниже прочих славянского племени» [1, л. 2–2 об.]. Главная часть этих законов – законы о поземельных отношениях и землевладении, которое развивалось «свободно, не будучи стесняемо никакими административными мерами». Не имея всех необходимых материалов для изучения данной проблемы,

автор призывал «всех лиц заинтересованных улучшением края» собирать актовый материал и обнародовать его. Он считал, что это должно стать и «материалом для земского устройства», и для «истории цивилизации страны» [1, л. 53 об. – 56].

Но эта история, написанная вскоре А. Ф. Кистяковским и А. М. Лазаревским, будет совсем по-другому представлять ситуацию с закрепощением крестьян Малороссии и ни о каком оправдании и даже понимании старшины-шляхты-дворянства здесь не будет идти речь. В сознании малороссийского дворянства указ 1783 г. был, скорее всего, «событием с негативным основанием» [9, с. 464]. Именно он изменил характер социального взаимодействия в крае. И такое отношение к событию фиксировалось еще в начале 1861 г. в редакционной статье мартовского номера «Основы». А. М. Лазаревский же своей концепцией сделал несостоятельной действующую модель коллективной идентичности малороссийской элиты. Способствуя этим разрыву исторической памяти, он, по сути, положил начало новому историческому мифу, в котором уже не было места «старой» элите. Голоса же историков А. П. Шликевича, И. В. Теличенко, отрицавших позиции А. М. Лазаревского относительно закрепощения крестьян казацко-старшинской верхушкой еще до издания указа 1783 г., так и остались не услышанными.

1. [Бакуринский А. П.] История развития поземельного владения в Малороссии // ЧИМ. – Ал. 504/ 128. – 58 л.
2. [Капнист И.] Взгляд на крепостное состояние людей в России и на средства к преобразованию онаго // ИР НБУВ. – Ф. I. – № 5743. – 2 л.
3. Галаган Г. П. Заметки о том, что для описания Сокиринских крестьян сделано и что еще надобно дополнить / Г.П. Галаган // ИР НБУВ. – Ф. I. – № 6933. – 2 л.
4. Литвинова Т. Ф. Формування нової соціальної ідентичності еліти Лівобережної України в другій половині XVIII – першій половині XIX століття та історична пам'ять / Т. Ф. Литвинова // Історія – ментальність – ідентичність. Вип. IV: Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX – першій половині XX століття: колективна монографія / за ред. Л. Зашкільняка, Й. Пісулінської, П. Серженги. – Л., 2011. – С. 167–173
5. Материалы по истории освобождения крестьян / под ред. В. Л. Модзалевского // Труды ЧАК. – 1912. – Вып. 9. – 411 с.
6. Миклашевский И. Мысли о подготовке крестьянской реформы 1861 г. / И. Миклашевский // ИР НБУВ. – Ф. 61. – № 282. – 10 л.

7. Павловский И. Ф. К истории полтавского дворянства. 1802 – 1902 г. Очерки по архивным данным / И. Ф. Павловский. – Полтава, 1906. – Т. 2. – 303 с.
8. Покорский-Жоравко А. Что стоило нам крепостное право? / А. Покорский-Жоравко // Русский вестник. – 1858. – Т. XVIII. – Ноябрь. – Кн. 2. «Современная летопись». – С. 198–203.
9. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М., 2011. – 560 с.
10. Ригельман Н. О крестьянском вопросе в Малороссии / Н. Ригельман // Сельское благоустройство. – 1859. – Кн. 1. – Январь. – С. 23–38.
11. Тарновский В. В. О наделе крестьян землей / В. В. Тарновский // ЧИМ. – Ал. 504/61/ 1 – 9.
12. Тарновский В. В. О собственных крестьянских землях / В. В. Тарновский // ЧИМ. – Ал. 504/60/5.
13. Чернова записка Г. С. Кирьякова «О крестьянских усадьбах по современному вопросу». 1858 г. // ГАПО– Ф. 222. – Оп. 1. – Д. 707. – 11 л.

Литвинова Т. Ф. Історична пам'ять та інструменталізація минулого в соціальних проєктах дворянства Лівобережної України середини ХІХ ст.

У статті поставлена проблема ролі історичних уявлень еліти Лівобережної України в легітимації її соціальних устремлінь. Показано механізми взаємодії історичної пам'яті малоросійського дворянства і його соціальних ідентичностей. Представлено дискусії освіченого товариства середини ХІХ ст. навколо проблеми оцінки та інтерпретації наказу Катерини ІІ про закріпачення селян 1783 р.

Ключові слова: соціальні ідентичності, історичні уявлення, українська історіографія, малоросійська еліта, закріпачення селян України.

Lytvynova Tetyana. Historical Memory and Instrumentalization of the Past in Social Projects of the Nobility of Left-Bank Ukraine in the Middle of the XIXth Century

The article studies the role of historical views of the Left-Bank Ukraine elite in legitimation of its social desires. Mechanisms of interaction between historical memory of Little-Russian nobility and its social identities are revealed. The discussions, held by educated society in the middle of the XIXth century, on the issue of evaluation and interpretation of Katherine the Second' decree of 1783 which turned peasants into serfs, are studied.

Keywords: social identities, historical views, Ukrainian historiography, Little-Russian elite, serfdom of Ukrainian peasantry.